

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 143—156.

Economic and Social Research. 2024. No. 2 (42). P. 143—156.

Научная статья

УДК 16+001

doi: 10.24151/2409-1073-2024-2-143-156

<https://elibrary.ru/vvwftj>

Вместе. В пространстве смыслов Э. В. Ильенкова

Философическое эссе

Г. В. Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Осуществляется латентный анализ творчества Э. В. Ильенкова через актуализацию центральных философских проблем в форме размышлений автора над проблемами, провоцируемыми творческой и жизненной судьбой Ильенкова. Автор, вырастая в своей философской позиции и методе теоретической деятельности, в непосредственном контакте с Ильенковым и его творчеством, пытается в своих теоретических анализах показать их зависимость от диалектической философской культуры; и демонстрирует свои размышления как непосредственно связанные с философскими исследованиями Ильенкова. В тексте статьи нет пересказов и прямых оценок творчества Ильенкова: в этом автор видит пустое и ненужное дело, автор делает попытку показать собственное вхождение в философскую проблематику с явной и скрытой отсылкой к методу и содержанию работы Ильенкова. Проводится мысль, что совместность есть неустранимый принцип и форма любой творческой деятельности. Статья, по форме близкая к эссе, написана к 100-летию Э. В. Ильенкова.

Ключевые слова: форма совместности, истина, личность, время, память, ум, смысл, рефлексия, философия, диалектическое мышление, Ильенков

Для цитирования: Лобастов Г. В. Вместе. В пространстве смыслов Э. В. Ильенкова (философическое эссе) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 143—146. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-143-156> EDN: VVWFTJ.

Original article

Together. In the space of meanings by E. V. Ilyenkov

Philosophical essay

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

© Лобастов Г. В.

Abstract. A latent analysis of E. V. Ilyenkov's work is carried out through the actualization of central philosophical problems in the form of the author's reflections over the problems provoked by Ilyenkov's creative and life destiny. The author, growing in his philosophical position and method of theoretical activity, in direct contact with Ilyenkov and his work, tries in his theoretical analyses to show their dependence on dialectical philosophical culture; and demonstrates his reflections as directly related to Ilyenkov's philosophical studies. There are no paraphrases or direct assessments of Ilyenkov's work in the text of the article, the author sees this as an empty and unnecessary endeavor, instead he makes an attempt to show his own entry into philosophical problematics with explicit and implicit reference to the method and content of Ilyenkov's work. It is suggested that cooperativeness is an indispensable principle and form of any creative activity. The article, in form close to an essay, was written for the 100th anniversary of E.V.Ilyenkov.

Keywords: jointness form, truth, personality, time, memory, mind, sense, reflection, philosophy, dialectical thinking, Ilyenkov

For citation: Lobastov G. V. "Together. In the Space of Meanings by E. V. Ilyenkov (Philosophical Essay)". *Economic and Social Research* 2 (42) (2024): 143—156. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-143-156> EDN: VVWFTJ.

Есть чисто студенческая потребность разложить каждую тему «по полочкам», чтобы всё было понятно еще не сложившемуся уму недоросля. На этом поводе идут и профессора. И уравнивают свою докторскую степень до состояния ученого примитивизма. И закладываются стандарты «подготовки ученых». Пройти путь в ученую степень свободно творческому нестандартному уму становится делом почти неосуществимым. Стандартизация такого рода не требует ни формирования, ни развития ума — просто закладывается критерий выполнения формальных требований. Люди, с первого класса охваченные изучением математики, в многолетнем результате являют лишь единицы математически мыслящих, остальные остаются без математического ума. Большой беды тут будто бы нет, потому что такая задача и не ставится, ставится задача *вышколивания* — со всеми вытекающими отсюда навыками. Становятся преподавателями, т. е. передающими знания, в которых лишь отдаленно маячит мысль. Дойти до мысли, породившей это знание, профессорская мысль не доходит.

Одинокое бытие вместе

Моя встреча с Ильенковым — наша встреча друг с другом — произошла не тогда,

когда случаются случайные пересечения по случайным содержаниям перемежающихся несущественных событий, — произошла встреча в *смысловом пространстве* того содержания, которое я представил ему в форме своей первой диссертации. То было ровно пятьдесят лет назад, и должно сказать, — в этом пространстве мы оказались в *одном месте* и до донца сохраняли единство смыслового бытия. Это пространство оказалось закрытым для многих, а у нас, будучи там, как будто было говорить не о чем.

Я остаюсь там и после его жизни. Ничто из того смыслового пространства ни разу за пять лет наших достаточно плотных отношений, ничто из этого в разговорах не возникло, оно *просто было там, в одном месте* наших общих представлений, — как будто данное по природе. Хочешь не хочешь, оно есть. Как, скажем, естественны для человека его отношения среди близких людей, — как будто заданные «богом» и обстоятельствами.

Что я всегда вместе с Ильенковым, — это не мистификация и не фантазмагория. Конечно, память как будто приводит в реально-непосредственное соприкосновение давно утонувшие содержания с ощущениями, тут и теперь оживающими. Оживающими с удивительной прозрачностью и ясностью. Как

поверить, что в этих отчетливых ощущениях глаз видит то, чего нет, что было и прошло? Но ощущаемую как будто тут и теперь данную реальность. Мираж, иллюзия, привидение?

Однако ощущения человеческой души никак нельзя свести к естественно-природному чувству, которое, как простая естественная чувственность, сама по себе в себе ничего не несет, но *через* которую выражается то, что отражается (воспроизводится) через активность чувствующего существа. Через чувственность светится (и чувствуется) нечто другое, не она сама и не то, что ею осуществляется в естественном процессе — физиологическая функция этой чувственности. Человеческая активность создает и перманентно воссоздает свой человеческий мир — не только в идеально-мыслительных формах, но и в формах идеализированной чувственности. В реальной жизни (не в теоретическом обособлении) они, разум и чувство, живут в единстве — и мир воссоздается потому и в чувственных образах.

И эти образы чувственно переживаются. В идеальной форме они обнаруживаются в искусстве, в потреблении которого мы восторгаемся, плачем, печалимся — перемещаемся в тот мир, в мир, созданный в искусстве. Здесь мыслящая форма проявляется в чувственных художественных образах, — и анализ того, что совершается в искусстве и через искусство, кажется, особой проблемы не представляет, — если туда входит субъективно-мыслящее восприятие. Когда в естественном практически-жизненном процессе мы сталкиваемся сами с собой, чувствуем, видим и сознаем работу своей души без всяких обособлений в предметном материале, как это делает историческая человеческая развитая действительность, когда душа радуется и печалится как будто без всякой наличной реальности, когда печаль моя не выходит «наружу» и не воплощается в обособленных чувственно-предметных образах, — я ее переживаю в самом себе, где вообще ничего нет — ни настоящего, ни прошлого. Еще в большее смущение человека ста-

вит сновидение, и если не понять его «механизм», то веер странных интерпретирующих толкований, доступных безумному уму, заполняет и ученое, и обыденное сознание.

Образ живет не только как мыслимая форма, но как форма, в которой исходно-незримо живет чувственность и которая просыпается, если образ отражает не только предмет, но и субъективно-человеческое содержание этого предмета. Предметно-человеческая культура представляет собой (через себя) всю полноту человеческой субъективности. В этом процессе проявляется форма предметно-преобразовательной деятельности человека. Здесь выявляется и утверждается то значение для человека отраженного предмета, которое сформировалось в процессе превращения предмета в необходимое условие жизнедеятельности человека.

Но объективно, реально и ощущаемо, я вместе с Ильенковым *всегда, когда занят своим делом*. Потому что я никогда не выхожу из того пространства смыслов, в котором нам случилось оказаться вместе.

Не случись моя встреча с ним, моя судьба была бы совершенно другой. В факте бытия этого могучего мыслящего начала в образе как будто физически утомленного человека, в форме личности Ильенкова, была точка моей жизненной опоры, здесь начало мотива и смысла моего бытия, — и их определенность уже не могли сдвинуть никакие обстоятельства. Разумеется, есть умы, которые в этом увидят преклонение и поклонение, нечто «религиозное». Но должно признать, что ты есть только то, что смог в себе сделать, но именно, повторяю, без Ильенкова этого моего дела не было бы.

Смысловое поле Ильенкова

Опережая суть вопроса, скажу, что именно позитивизм, культивируемый в философии, Ильенков считает умонастроением далеко не случайным, но чрезвычайно опасным. Опасным для человеческого бытия. Разумеется, указать на особое умонастроение

как человечески опасное не затронет внимание человека — человеческое внимание (по той же самой примитивной парадигме мышления, завязанной на обыденное бытие) привлечено опасностью, скажем, ядерного оружия, экономических кризисов, глобальных экологических проблем и т. д. Отсутствие ума никого не пугает, потому что ума не хватает увидеть в себе безумие. Ильенков чувствует (и знает) в этом внутреннюю разлагающую человека силу зла. Зла, принимаемого за добро обыденным, стихийно складывающимся мышлением.

Это, разумеется, требуется показать в эмпирии и теоретически доказать, — что и делает Ильенков. Но показать зло позитивизма означает обосновать *истину* исторически сложившегося мышления в *диалектической форме*. Диалектика, если хватает ума отличить болтовню вокруг нее и этим умом прикоснуться к ее, диалектики, универсальным формам, одинаково присущим бытию и мышлению, вопрос становится серьезным, в первую очередь, для системы образования, т. е. той системы и той деятельности, где можно (и должно) надеяться диалектику формировать как мыслящую способность, как разум. То есть как универсальную форму человеческого бытия. И потому внутри себя различающую элементарный рассудок и разумную форму мышления. Показать, как мышление возникает и функционирует внутри общественного бытия, и тем самым его объективное значение для человеческого развития человека.

Сократа называл Маркс воплощенной философией. Относительно Ильенкова неоднократно высказывалась такая же мысль. Сказать надо шире: человек тождественен своему бытию. Философия этой формуле придает всеобщее значение. И сомнительно, что человечество бы пришло к этой мысли, не будь в эмпирической действительности таких людей, которые собственным индивидуальным бытием выражают полноту бытия культурно-исторического. С некоторых пор вошел в обиход так называемый биографи-

ческий метод. Надо полагать, в нем пытаются осуществить взгляд на общезначимое дело человека через его индивидуальную судьбу. То есть нащупать момент тождества общественного бытия и бытия индивидуального. И потому из индивидуального объяснить бытие общественное.

Пишут биографии, автобиографии, художественные исследования, воплощают в разных видах искусства — нигде не находим полноты, везде человека видим по-разному, чувствуем неисчерпаемость его и даже не знаем, как это сделать. Говорим, что душа потемки, и не находим в душе своего «дна», чувствуем там что-то недостижимое и непознаваемое. Познать самого себя — это требование мы слышим с древних времен.

Но ни мышление, ни вера не дают нам уверенности, что мы определились в природе и смыслах человеческого бытия, достаточно написать соответствующие учебники и тем самым перестроить систему воспитания и образования. С мышлением остается проблема и для самого мышления — не только для школы. Человек сомнению подвергает и то, что исповедует и чего держится. Не только человек в его индивидуальном проявлении, но и любая культурная общественно-историческая определенность выглядит непознаваемой, — история вырабатывает для себя такие меры, через которые человечество спокойно смотрит на мир и на самого себя. И как будто независимо от самого себя человек вдруг обнаруживает заблуждение в старых мерах и создает другие. Много различных представлений о пространстве и времени прошло через человеческое сознание, но естественно-природные формы никогда не были для умного ума чем-то иным, нежели внешние условия его существования. Тонкие материи, нанотехнологии и прочее, даже удивляющее, никак не влияют на развитие души и духа. Но формируясь внутри и через свои отношения, человек в измененных внешних материальных условиях лишь модифицирует свою субъективность, ничуть не меняя ее сути.

А религиозные представления Вселенной и человеческой души были совсем не безразличны к человеческой практике, эти представления формировали человеческое поведение и придавали некие смыслы человеческому бытию. Революционные взгляды на пространство и время Эйнштейна ничуть не потревожили человеческое обыденное бытие. Современная электронно-информационная техника революционизировала технологическое содержание общественного производства, изменила функциональное использование рабочей силы, но смыслы человеческого бытия в своих фундаментальных определениях остались теми же самыми. Сущность человека определяется *общественными отношениями*, ни естественные науки, ни предметные технологии человеческой сущности не касаются.

Но много тут остается проблем. И пока они не получают адекватного разрешения, заблуждения будут принимать разного рода фантастические и религиозно-мистические представления. Бог и Вселенная интересны человеку, поскольку он чувствует, что то и другое *представлено в нем самом*, что человек непосредственно связан с таинственным «божественным» содержанием и с тайнами вселенского бытия. Эти тайны человек видит в самом себе и потому всматривается в себя.

Но в сознании человечества, однако, представлено множество плоских суждений, которые не заглядывают в глубины человеческого бытия, но становятся предметом обсуждений, дискуссий, споров и физической борьбой за их утверждение. Позитивизм, питаясь этим, ищет четкие и ясные определения действительности, он везде и во всем выглядит наукой, т. е. мышлением, опирающимся на истину. В общественном же сознании во всех сферах человеческого бытия так перепутаны истины и заблуждения, что «ходячий» ум не без основания кажется бессильным.

Ильенков, говорят, был полон восхищений от гегелевского памфлета «Кто мыслит

абстрактно?». На самом же деле мысль там банальна, не на основе ее Гегель создает Науку логики, но показывает через «эмпирически-наглядные сюжеты» необходимость связи абстрактного с конкретным. На эту связь любое сознание постоянно наталкивается, но до удивления редко удерживает ее в себе. Тем более единство этих противоположностей. Маркс свой метод выразит как движение, как восхождение от абстрактного к конкретному, — и мы видим логико-методологическую значимость этих категорий. Потому в схеме гегелевского памфлета можно увидеть «социально-психологический артефакт», предпосылку и фактическое начало последующего выстраивания логически организованного мышления.

Нельзя увидеть человека в человеке, если нет способности *конкретного* мышления. Истинное знание всегда конкретно, т. е. всегда представляет предмет в единстве его абстрактно-односторонних определений. Поэтому выражение в суждении некой одной определенности предмета — это мыслить абстрактно. Даже если суждение схватывает и объективно присущее предмету свойство. Даже если это свойство выражается через логическую всеобщность. Подвести единичное под всеобщее и думать, что мыслишь конкретно, — это большое заблуждение. Даже обыденное сознание чувствует, что дело в дискуссиях сводится к «навешиванию ярлыков». Задача же заключается в том, чтобы через родовое определение вывести все собственные предмету характеристики, показать необходимость содержания из основания предмета. Поиск основания — особая задача, но если оно не найдено, то все суждения внутри этого предмета будут иметь относительный или случайный характер. Образование единичного имеет свой особый генезис, но этот особенный путь выражает собой и подчиняется родовому закону — и наука не есть наука, если она не держит в себе этот принцип как принцип познания и если она не достигает конкретного знания

о конкретном предмете. Конкретное есть единство многообразного, и полемика относительно истинности знания представляет собой столкновение различных (односторонне-абстрактных) суждений о предмете и в обыденном сознании бессознательное отождествление содержания суждения с содержанием предмета, каким он сознанием допускается. Двигаться в рамках явлений, в рамках суждений, не достигающих основания предмета, — это так называемый ползучий эмпиризм. Фиксируемый сознанием факт не есть истина этого факта. Фактология, достигающая определений внутренней природы фактов, организует их в их собственной объективной взаимосвязи. Голый факт — это всего лишь имеющимися возможностями познания фиксируемая объективная определенность бытийного проявления. Определенность внешняя, факт есть опора, но не есть доказательство. Аргументом в обосновании теоретического движения мысли факт может стать только тогда, когда определена его существенность и научная обоснованность.

Гегель понятие показал как единство всеобщего, особенного и единичного. Не найдем этих определений в предмете, о предмете понятия не будет. А разные представления о нем — это фиксация того или иного абстрактного определения как исходное основание. Это и есть абстрактное мышление. Мышление, не достигающее полноты. Не выражающее необходимость и достаточность в определении предмета. Всё, что обнаруживает действующую функцию в составе некоторого целого, определено к бытию необходимо, и чтобы быть, необходимы условия, обеспечивающие это бытие. Труд — основание, условие и форма бытия человечества. Здесь с необходимостью возникает (порождается) всё то, что обеспечивает бытие общественного человека. Форма бытия человека является общественной формой и потому является условием бытия общественного целого. Мера развития индивида зависит от его собственной активности внутри культурно-

исторического бытия. Здесь же и человеческая мера личности каждого человека. Всё живет как единичное в своем различии.

«Самое богатое есть поэтому самое конкретное и *самое субъективное*, и то, что возвращает себя в простейшую глубину, есть самое мощное и самое объемлющее. Самое высшее, самое заостренное — это *чистая личность*, которая единственно лишь через абсолютную диалектику, составляющую ее природу, точно так же и *все охватывает* и держит *внутри себя*, потому что она делает себя тем, что всего свободнее, — простотой, которая есть первая непосредственность и всеобщность» [1, с. 307].

Читатель, естественно, Гегеля тут не поймет. Как выстраивается понятие, как формируется наша понимающая способность, не знает и школа, в которой мы учились. А. Н. Леонтьев, глубокий советский психолог, иронически характеризует представление о личности как мешок, наполненный различными содержаниями, которые индивид собирает на путях своей судьбы. Эта метафора мешка с субъективным хламом любого рода, собранным в общественной среде, даже ученому делает ясным его собственное представление о личности.

Ясным без всякого понятия. Однако, проникнуть в существо личности без Гегеля и Маркса, без Ильенкова, который всматривался в процесс становления человеческой личности глазами мировой философии, — без исторических умов навсегда останешься с «мешком, набитым психологической рухлядью».

Картина общественного бытия, содержание его сознания, выглядит, пожалуй, страшнее. Вернадский когда-то ввел понятие ноосферы, и это так понравилось человечеству, что оно до сих пор, произнося это слово, ощущает в себе «ясное и глубокое» проникновение в суть мира. Таких конструкций в мире сознания много, и если тебя не бьют по морде, то против «свободы слова» никто возражать не будет.

Ильенков, чтобы выразить мышлением понятие личности, почему-то сначала говорит о логике. То бишь об уме. Без намеков, а совершенно определенно и прямо он говорит, каков ум, таким будет и понятие личности. Мешки с рухлядью представлений, считай, каждый таскает за своими плечами. Школа усердно наполняет их «знаниями», которые «уму не научают». Даже от знания самой этой мысли Гераклита ума не прибавляется, способности ее даже истолковать вы не найдете. Но если мы всмотримся в себя и в то общественное сознание, в котором клубимся кучей, то заметим, каким удивляющим бредом мы пытаемся выстроить хаос своих представлений — из разных сфер бытия и многообразных наук.

Исследование логики было делом Ильенкова. Она выражалась им как объективно устойчивая форма движения действительности, через которую осуществляет свое движение и индивидуальное сознание. Без опоры на эту исторически отработанную объективную форму, форму мышления, человеческая активность лишь множит сор пустых и фальшивых представлений. Человечество это сегодня хорошо сознает, но это как будто не мешает множить фальшь — как в сознании, так и в живой жизни.

Как прекрасны дети! Они судят о том, о чем они судят, разумеется, без опоры на форму суждения и на логику понятия, эти формы в детском сознании только еще становятся — становятся в жизненной стихии. И в школе. Дети были наивны и потому прекрасны, мы видели эту наивность в детях и не допускали ее у себя. Но допускали себе снисходительно улыбаться, радуясь их непосредственности и энергичной устремленности. Куда — дети не знали, но мы со своим умом знали, куда их направить. Мы сознаем, чего хотим и за что воюем в окопах и кричим в телевизорах.

Странная ситуация: Ильенкова почти все образованные люди знают, хотя его не подпускали к сфере образования, но спросите вы

их, образованных, что они думают о той логике, которую Ильенков в деталях проработал и показал, что без *категории идеального* проникнуть в суть человеческого бытия есть наивная иллюзия. Но не забудем давно известную максиму, что иллюзия есть удобная форма прятаться от самого себя и фантазировать вокруг мир, который делаем опасным и страшным. Вне сознания, в реальности.

Этим я попытался ввести в то смысловое поле, которое лежало перед Ильенковым и на которое он вышел, отдавая отчет в том, что на этом поле лежат мины. И хорошо понимая, кто их ставит. Ставит как сознательно, так и бессознательно.

К смыслам ильенковской мысли

Идут к слепым провидцам, излечивающим от смерти, идут туда, где восстанавливают из вашего праха ваше тело и воскрешают душу, где лечат на любом расстоянии без ножа и лекарства, обеспечивают вам невесту и жениха, море денег и пустые карманы — и всегда с той самой неологической околонаучной терминологией, похожей уже на привычные «ноосфера», «тонкие материи», «черные дыры», «психическая энергия», пресловутые тоннели с плачущей иконной богородицей в конце, — ну просто сказочная роскошь, слушать бы да слушать — с ощущением полустраха. Как дети слушают сказки.

Без мышления неосуществимо *человеческое* бытие. Общественное бытие, конечно, далеко не от каждого и не всегда требует ума, иногда дело обходится и без него, а бывает, что и вообще его ампутрует. Как вещь ненужную. *Коммунизм — это общество умных людей*, не просто броская фраза Ильенкова, а лаконичное оформление понимающего отношения к мировому человеческому бытию. Разумеется, ни Парменид, ни Гераклит, ни Платон с Аристотелем, ни даже Сократ и думать не думали о таком общественном преобразовании, где ум становится основой и формой человеческого бытия. Но организовывали академии и лицеи, ораторствовали

на площадях и в подворотнях — с бессознательным мотивом разобраться в этой любопытной способности человека, — способности познающего и знающего мышления. Ничего странного нет, что вся классическая философия занималась этими же разысканиями. Потому же ничего странного нет и в том, что Ильенков, без поручений начальства и бессознательного внушения таинственными силами, всю свою жизнь искал ответы на те же самые историей поставленные вопросы. Вопросы важные, важнее разных там атомно-водородных бомб и даже насущного хлеба с сельскохозяйственных полей.

Где и как прорастает ум, себе самому и для всех Ильенков показал в деле формирования мышления в становлении личностью слепоглухонемых детей. Конечно, можно и не говорить, но напомнить стоит, что школа, которая, казалось бы, является местом становления человеческого образа человека, нигде и никогда толком не ставила и не умела поставить задачу формирования ума. Формирование мышления слепоглухонемых детей было выдающимся достижением научно-педагогической мысли, где философское понимание процесса возникновения и развития человека стало теоретическим условием этого практически-педагогического дела. Здесь мысль Ильенкова проходила по объективному пути становления личности и здесь же мысль его предопределяла способы ее, личности, формирования. Это было далеко не только исследовательское и творческое дело философа, но дело непосредственно человеческого — один из его воспитанников, Александр Васильевич Суворов (теперь доктор психологических наук, профессор), называет Ильенкова своим духовным отцом. Здесь — дело формирования человека, в полной мере определенное сознанием и осуществленное в практическом деле воспитания человека. Кем стать человеку, Бог предоставил самому человеку.

Мысль Ильенкова, несущая на себе глубокий след прошедшей истории, сохраняла

себя в его актуально-современных размышлениях — ищущих, напряженных, много оставляющих недосказанным, утаивающих в себе прорывающийся смысл; мысль, каждый раз и во всех деталях тонко проработанная, однозначно-определенная всегда осуществляла себя в попытках сдвинуть, преобразовать мышление воспринимающей способности. В живом *устном* выражении эта мысль была исполнена энергией — то негодующей, то спокойно-внимательной, сосредоточенной в точке смысла, погружая туда сознание общественное. Чистая логическая форма мышления Ильенкова вдруг проявляется через форму метафорическую, через художественно-образную, и даже как будто переходит в форму наглядную — столь отчетливо, объемно-выпукло разворачивается перед нашими глазами его мысль. Эти метаморфозы воспроизводятся и в *письменных* текстах. Когда в текстах автор сохраняет устную интонацию, они кажутся прозрачно-понятными.

По пути своих исследований Ильенков вынужден был сделать акцент на том, что сложность или простота мысли есть не авторский произвол стиля, а она, мысль, такова, каков предмет. Эта ремарка, собственно говоря, просто вытекает из философско-логического принципа тождества бытия и мышления, но Ильенков делает ее, чтобы остановить упреки со стороны полуобывденных требований излагать философские проблемы проще. Свое дело он видел в задаче предельно ясно передать читателю то, что историческая наука философии содержит в себе.

И рекомендовал читать Гегеля — как будто противу своей стилистической установки. Гегеля читать не легко — и именно потому, что таков предмет. Упрощенно-ходульное изложение философского содержания всегда оборачивается ложью, прикрытой общими фразами. Читая такие тексты, вы обречены ничего не понять в серьезной философии, исследующей человеческую форму

бытия, природу его, человека, личности и его универсальных способностей.

Тем более не понять феномен идеального. Гегель своей логикой выразил развивающееся во времени общественно-человеческое бытие, выразил закономерность человеческой истории. В этой логической форме *история снимается* — как снимается и трудовой общественный процесс. В этих всех темах Гегель плохо понятен не потому, что им плохо выражено содержание, а потому, что понимающая способность читателя себя формировала «не в том месте». По легенде, Гегель категорически отрицал возможность изложить свою философию «по-французски и для женщин». Но, повторю Эвальда Васильевича, мысль такова, каков предмет. Попробуйте одну математическую формулу перевести в другую, в ту самую, «понятную». На язык обыденной действительности. Язык обыденной жизни втягивает в себя не только в быту необходимое, но и всякое случайное смысловое содержание. Попробуйте свести науку математики на уровень обыденной жизни! Там в ней нужды нет, и обыденное сознание даже стараться не старается войти в ее смысл, не может совместить свой смысл со смыслом математической науки. Понимать математику, входить в логику смысловых математических определений вы будете только вместе с принятием ее языка — и вы увидите, что никаких сложностей он, язык, для понимания математического мышления не создает. Наоборот. А помните, писали учебники по философии для математиков, домохозяек и т. д.? Старались, но всегда получался кастрированный догматический марксизм. И все с охотой стали называть марксизмом именно эту пошлость и, видя в нем эту пошлость, пытались растоптать и идею.

История человеческого бытия открывает свои смыслы и вместе с этим делает открытие, что она не *знает* полноты своего содержания, что исторический процесс и есть как раз познание этих тайн, по-

знание человеческого смысла и сущности бытия, познание исторически меняющихся способов его осуществления. В этом живет мысль Ильенкова. Но мысль Ильенкова как будто не может дать полного определения самого человека. Четко фиксированные точки его позиции в пространстве исторически развитых смыслов — это лишь самим им определенные принципы мышления. Тайна его, Ильенкова, всегда открыта как объективная тайна и она, как черная дыра, всегда тянет его в себя. Втягивает как будто бессознательно. Для него является бесспорной философско-теоретическое положение, «согласно которому “все, что существует, достойно гибели”, что всякая “конечная” форма существования имеет свое начало и свой конец» [2, с. 421]. Не исчезает только «черная дыра человеческого существования».

А какая наука объяснит *мотив быть человеком*, т. е. существом, принципиально отличающимся от животного? Политэкономика объясняет внутренний закон общественного бытия, довлеющий над индивидом, но собственно человеческое опирается, надо полагать, на закон другого рода. Объясняющее человека религиозное сознание опирается на веру, но не на *понимающее* сознание. Не на сознание, которое мыслит. Религиозное сознание обосновывает само себя как форму, выходящую за пределы эмпирической реальности. Определяющие силы религиозного сознания религия отказывается понимать, но признает их в качестве веры. Это остается феноменом сугубо субъективным, а потому произвольным, Ильенков не случайно афористично-кратко выражает его суть: «Нет божества без убожества».

Потому реальная практика при трезвом уме и высокоразвитой науке опирается на «факт одаренности». Этим объясняют и талант, и гениальность. И, разумеется, «святость».

Вся философско-творческая деятельность Ильенкова мотивирована втянуть

общественную мысль, мысль каждого, в орбиту своего мыслящего бытия. Он одинок — потому что один внутри этих смыслов. Он как бы безразличен ко всем, не говорит, не учит, как надо быть. Но показывает *путь туда, идя куда, ты будешь человеком*. Этот путь — мыслящая способность. Этой способностью ты будешь внутри того бытия и в том объеме, в котором мысль открывает мир. Даже неверующий знает, что Бог дает человеку свободу, и имеющий мотив человеком быть им будет. Саше Суворову, который ощутил себя в одиночестве и встал на грань самоубийства, Ильенков пишет: «...Ты в свои двадцать один год уже дорос до такого сознания, которым дай бы бог обладать миллиардам зрячелышащих. Зная тебя, знаю, что сладеньких утешений ты не примешь, что ты к ним глух» [2, с. 446].

Способ введения индивида в смысловую творческую форму человеческого бытия есть философско-теоретическое основание педагогической деятельности. Ильенков лаконично фиксирует *смысл исторического бытия человека* — умное бытие людей. Иначе это называется, говорит он, коммунизмом.

Время и память

Мы не поймем время, если в реально изменяющихся вещах не увидим ее внутреннее тождество себе, момент неизменяемости, длящийся во всем пространстве ее изменений. А как иначе понять, что в ощущениях данная реальность есть всего лишь образ бытия прошедшего, что эта реальность не иллюзия, а удаленный во времени образ свершившегося бытия?! Совершенное бытие ведь сохраняет себя не в субъективном образе, не в памяти, а в настоящем — как тут и теперь присутствующая форма. Но как форма снятая. Прошлое дано в настоящем. Снятое как сохраненное. Любое движение содержит в себе отрицание, перманентно возникающее и отрицающее себя. Потому память есть субъективное отражение, воспроизведение снятого объективного содержания.

Без объективного процесса сохранения прошлого в настоящем не было бы и этого субъективного процесса памяти. Если бы снятое не сохранялось, прошлого бы и не было. Был бы процесс бесконечного исчезновения, значащего для человеческого сознательного бытия только этим исчезновением. Однако исчезновения нет, есть только преобразование.

Изменяющаяся вещь задает необходимость измерения своего процесса, своего процессуального бытия — от возникновения до завершения. Деятельность вынуждена создавать абстракцию этого процесса, этой разнообразной изменяемости. Гераклит видит в этом бесконечном изменении вещей внутренний закон этого изменения, закон превращения содержания вещи, логос. Логика имеет дело именно с формой изменения и преобразования вещей, для нее не имеет никакого значения время — как абстрактно-всеобщая характеристика всех изменяющихся вещей, пространство их времени, т. е. временная, безразличная к существу изменения характеристика внешней несущественной длительности. Несущественной для содержательного изменения вещи.

Разве это предстает лишь в мыслящих определениях науки? Разве психическая, бессознательная деятельность сознания не ухватывает и не должна ухватывать исчезающе-остающееся бытие? Разве *память* мыслится наукой только как схватывающий и удерживающий прошедшее момент? Длящаяся вещь исчезает в своем временном определении, но сохраняет себя через бытие других вещей. Через свои следствия.

И разве образ памяти не столь действенен, сколь побудительным оказывается образ будущего, «цель как закон», определяющий мою деятельность? Глаза пристально вглядываются в явления прошлого, случившиеся и переставшие быть, но умным сознанием оно удерживается как «спрятавшееся» в настоящем невидимое и устойчивое определение вещи, с которым деятельность человека

не считаться не может. Преходящее удерживает себя в настоящем до тех пор, пока не исчерпает себя до пределов, которых и в самом деле в бытии нет, есть только в сознании. Память есть отражение субъектом (сознанием) этого сложного изменяющегося бытия в безразличии к логике этого изменения. Но логика является самым глубоким основанием памяти, мышление разворачивает мыслимый предмет, тем самым задает определенность пространства и времени этой вещи. То, что теряет определение необходимости в развивающейся вещи, становится безразличным для нее, исчезает из ее бытия — и потому из памяти как функции психической деятельности пропадает навсегда, и мысль с тоской наталкивается на этот факт полного исчезновения, и даже любое напряжение памяти восстановить этого не может. Случайное необходимо обнаруживает свою случайность и остается во власти объективной случайности бытия. Аберрации психики есть особая форма отражения объективной случайности. Здесь можно легко встретиться с «чудесами».

Пространственно-временные отношения из бессознательного восприятия легко, даже детским умом, переводятся в форму понятийного отражения. «Как быстрее всего можно переместиться из Москвы во Владивосток?» — спрашиваю я пятилетнего малыша. Здесь как будто и для ума малыша очевидна проблема пространственно-временных отношений. И эта проблема решается им логикой геометрических отношений внутри самой науки геометрии. Он отказывается от как бы естественного поиска решения конструированием технических средств физического перемещения в пространстве: он не ищет физические условия увеличения скорости, выражающей (бессознательно) отношение пространства и времени, а просто изменяет пространственные соотношения геометрических элементов, сводит пространственную *прямую* в *точку* пространства.

Геометрическое отношение линии и точки, сведение линии к точке, малыш встраивает в физическое пространство и сворачивает его, пространство, до точки-вещи. И вы во Владивостоке. Здесь еще чуть-чуть и появится проблема логического анализа отношения *движения и покоя, времени и вечности, делимости и непрерывности, относительного и абсолютного*. И вы вместе с малышом, обезумев от интереса, пойдете к Пармениду, Гераклиту и так далее. До Ильенкова. По пути понимающе улыбнувшись Эйнштейну.

И теперь я спрошу себя: не вместе ли с Ильенковым я «впал» тут в эти рассуждения? Или оторвался от «его взглядов» так, что в его текстах вы нигде ничего подобного и не найдете. Где вы найдете переход от проблемы времени к проблеме психологии памяти, от движения, выражаемого в абстрактной величине времени, к диалектической форме его, движения, внутренней, то бишь, содержательной логической форме. И т. д.

В сказках заданная малышу школьно-простенькая задачка проговаривается и разрешается различными способами, которые остаются сказочными, чудом в сказке. Типа мгновенных перемещений или внезапного явления. Явления *здесь и теперь* того, что пространственно-далеко или просто спрятано внутри меня. Что является либо энергией физического действия или силой мыслящего проникновения в суть, т. е. явить эту суть в сознании. Внутри-временные отношения типа «настоящее, прошлое и будущее» логические преобразования ума превращают в серьезную философскую проблему и тем выводят категорию времени из устойчивых и привычных представлений сознания.

К экзистенциально-эмпирическим рефлексиям

Чувство не бессмысленно, тонкой мыслью оно, чувство, прорастает глубоко в суть вещей и живет невидимой болью бытия. Боль, по Гегелю, открытая форма противоречия. Куда можно было уйти от

трагедий человеческой жизни? От ее внутренней противоречивости как сущностной формы бытия? От ее обезображенных образов? От прорастающих в жизни контуров ее собственно человеческого бытия? Он ходил усталой походкой, чуть согбенный, по земле сквозь жизнь. За тот десяток с небольшим дней мы много исходили по местам, которые мне хотелось ему показать, не имевшие ничего объективно-ценного, но когда-то коснувшиеся меня. Я коротко говорил, он молча внимал. Рядом Литва и Польша, он сказал, что через Польшу ему с войной пришлось проходить. Я до сих пор не могу представить его в военных условиях, в боях, в траншеях и блиндажах.

Но подобного рода ощущение просыпалось во мне каждый раз, когда я оказывался рядом с Ильенковым. В душе что-то немело. Мих. Лифшиц отметил его деликатную натуру. Чувство этой натуры было оцепеняющим для меня. Чувствовал ли Эвальд Васильевич это мое состояние? Я был бессознательно внимателен, боялся своего неосторожного слова, способного открыть мое невежество.

Чем я измеряю другого человека? Той мерой, что во мне сформировалась стихией бытия? Почему мне кажется, что эта мера есть мера истинная? Уверенность, самоуверенность, гордыня? Ведь как будто очевидно, что разные величины, разные калибры. Разная культура. Культура из разных, казалось бы, исходно-бытовых оснований, но совместившая в культурно-исторических основаниях человеческого бытия вообще. Проблема личностного соизмерения всегда возникает и находит некое свое разрешение в самосознании. И оказывается отношением к самому себе. Что ты есть на самом деле и что о себе мнишь, — вещи, очень редко совпадающие.

Через это отношение к себе бессознательно проявлялось и отношение к Ильенкову. Истина самосознания измеряется мерой адекватности содержания Я к абсолютному. Это, однако, остается проблемой до

тех пор, пока не будет найдено определение абсолютного в бытии и в сознании. Отсутствие критической саморефлексии оборачивается заблуждением, устойчиво живущим в самосознании под именем истины. В кругах заблуждений самосознания возникают ростки заблуждений больших, и интересы господствующих сил подчиняют себе волю и действия индивида утверждением в его самосознании ложного (фальшивого) основания. «Познать самого себя» с древних времен и по сей день остается предупреждением неосторожному суждению о самом себе. Найти в себе основание, определяющее возможность, форму и способ взаимоотношений с другим, оборачивается нравственной проблемой. Нравственное содержание, как будто лишенное в себе рассудка, исполнено разумом и замыкается на абсолютное гораздо глубже, чем способность формального суждения. Абсолютное улавливается нравственным чувством много полнее, чем сознательное определение своей личностной позиции. Здесь мы всегда имеем внутреннее противоречие личностного бытия. В каких бы сферах действительности это бытие ни находило себя. Вся эта работа души начинается как бессознательный принцип нравственного начала и вполне сознательное ожидание отношения к себе со стороны человека, который в своих человеческих способностях уже всесторонне обнаружил себя. И ты, не зная себя, уже знаешь, что можно ждать. Это «что» сохраняет неопределенность, пока не будет высказано суждение.

И наоборот, через отношение к Ильенкову отношение к самому себе. Суждением Ильенкова оказавшись рядом с ним, через него в меня входила уверенность, и сегодня я делаю (пишу) то, что никаким образом не касается субъективно-личностных отношений — это продолжение совместной жизни в пространстве философских размышлений. Но робость, которая превращала все мои первоначальные попытки рассудком определиться в личностных отношениях

с Ильенковым в сплошную неопределенность, пожалуй, и по сей день живет во мне.

Ильенкову, мне кажется, никогда не приходилось бывать в ситуациях примитивного быта, но столкнувшись, его ничто не удивляло и не поражало, — мысль и чувство, воспитанные мировой культурой, именно поэтому, надо полагать, и способны были *видеть* и адекватно *присутствовать* во всех «местах» человеческой действительности, чувствовать ее боль и на войне, и в полях примитивно-необходимого труда. Прошло, конечно, тридцать лет после войны, но Эвальд Васильевич в ту войну прошел Прибалтику, и его не пугало пройти по ней и после тридцатилетнего ее российского окультуривания.

Но ни одним движением Ильенков не показал своих впечатлений. Не показал, что он *видит*, и не показал, *что* он видит. Он *был со всеми*, с кем нас сталкивала (там две недели с Эвальдом Васильевичем мы провели вместе) та или другая ситуация. Как будто обычный человеческий мир со всеми его сложностями, радостями и печалью, Ильенков внешне спокоен, без всякого видимого интереса. Мы у могилы Канта, и даже тут ничто не выразил собой Ильенков. Вряд ли внимание его здесь было более сосредоточенным. Всё содержание представлений Канта, надо полагать, лежало на том поле, по которому бесконечно шел Ильенков. Могила Канта, давно превратившаяся в символ, похоже, особых чувств у Ильенкова не пробуждала.

А мне вообразались напряжения его душевных движений. Я знал, какое смятение вызвала смерть человека, упавшего из окна к нему под ноги. Картина этого самоубийства его просто потрясла, и он долго не мог из этого потрясения выйти. И резкая реакция на телевизионную картинку, в которой юродствовали комики. С фильма, куда я затянул его во время нашего пребывания в поселке Пушкино в сельский клуб со скамейками, подкупившись названием, через пять

минут Эвальд Васильевич настойчиво предложил уйти. Когда-то в Зарядье, в Москве, мы с ним смотрели фильм «Восхождение» Ларисы Шепитько, он дал потом понять, что я «затащил его туда». Туда, куда надо.

Но всегда был глубоко задумчив. Резко и без внимания брал, схватывал рюмку водки и быстро опрокидывал в рот. Никогда нельзя, если бы даже это вдруг кому вздумалось, нельзя увидеть и понять то острое чувства, которое мгновенно срывало его в это движение. Он отодвигал стаканчик и замирал в той же склоненной позе на своем постоянном месте за столом. Он смотрел всегда в одну невидимую точку. С поднятыми на лоб очками. Сосредоточенным неподвижным взглядом. С сигаретой. Образ, зафиксированный Юрием Ростом. Он вдруг мог резко откинуться, бросив глаза туда, где была сказана некая мысль, как-то совпавшая с его внутренним слухом, и, может быть, бросить короткую реплику. Либо просто выказать некую эмоциональную реакцию. Иногда вялую, иногда встревоженную.

Любое неосторожное слово порождает сонм суждений, логически неточных, односторонних и произвольных. Что дадут для понимания человеческого образа Ильенкова знание его науки, его философии, его переживаний, его жизненных ситуаций, его, наконец, смерть? Что даст понять, как я пойму его одиночество в объективно-тесном его общении с друзьями, коллегами, с неисчислимым числом ему внимающих? Казалось бы, ответ простой — ведь он, как Сократ, есть воплощенная философия. Но глядя на живого человека, вместе с ним будучи в каких-то делах, всегда кажется, что воспринимается что-то еще, живущее где-то рядом, — помимо того пространства глубоких и еще непроясненных смыслов, с которыми он всегда в непосредственном единстве. Будто еще что-то есть, выходящее и превосходящее мои возможности увидеть это в нем.

Даже дурак понимает, что чем дурнее человек, тем легче его дурачить. Эвальд

Васильевич переживал именно за ситуацию в общественном сознании, понимал, что человек становится пустым и зависимым без способности мышления. А мышление совсем не есть тот бред, который «понятными словами» «объясняет всем всё», включая себя. И в школе, и в вузе. А начинается с детского сада. Философский ум Ильенкова уходил в педагогику, Саша Суворов, слепоглухой его воспитанник, называет его духовным отцом. Дух, а не биология есть человеческая определенность.

Организованная глупость вполне осуществима, диалектика же всегда для такого мышления останется лишь наименованием подвижно-изменчивой болтовни. Трудно этим позициям переубедить друг друга. История давно знает, что и вооруженная аргументами боевого оружия война никогда не уничтожает противоположную сторону, тем более ее сторону идейную.

***

Дух мечется в рефлексиях смыслов, то там, то здесь, — везде, чего коснулся он, он сохранился. И сохранился не только образом человека, а содержанием той действительности, которая получила выражение его мыслью. В отражениях его мысли отражения его дела. Сорок пять лет он живет с нами после себя. Живет многолико и по-разному. Долго преследовавший меня сон, явно ирреальный своим содержанием, возникал, как я думаю, на почве моих субъективно-чувственных раздвоений, даже размножений, на почве чувственного отказа принимать его смерть и столь же чувственного восприятия этой смерти.

О чем бы ни писать, о чем ни думать, всегда догоняет мысль: а как я думаю, когда читаю, пишу, рисую, леплю, конструирую? Включая сюда, разумеется, почти всегда бессознательно присутствующие в любом действии *вопросы*, — которые, по сути, уже не вопросы, а столь же бессознательное знание. Проблема, говорит Маркс, возникает тогда, когда уже сложились условия ее решения.

Иначе говоря, они возникают не на пустом месте. Более того, проблемы определяются бытием — это та же мысль Маркса, только в более общей форме выраженная. То, что есть условия решения проблемы, это материальное бытие, содержащее в себе готовое обнаружиться противоречие, — ум должен *обгонять бытие* и увидеть это противоречие в нем. И высказать его как проблему.

Ильенков остается как проблема, но такая проблема, без которой, если она не понята и не принята, дальше идти только в тупик.

Список литературы и источников

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 502 с. (Философское наследие).
2. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).

References

1. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Vol. 3. Moscow: Mysl', 1972. 502 p. (In Russian).
2. Il'yenkov E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4), президент Российского философского общества «Диалектика и культура».

Information about the author

Gennady V. Lobastov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Moscow Aviation Institute (National Research University) (Russia, 125993, Moscow, Volokolamsk highway, 4), President of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture".

Статья поступила в редакцию: 31.01.2024.

The article was submitted: 31.01.2024.